

это велось специфическими методами, что позволяет некоторым историкам «не замечать» его на фоне разгоравшейся в стране гражданской войны, но в истории самой Русской православной церкви столь непримиримое противостояние властям является беспрецедентным фактом.

Булавин М. В. Пермские священнослужители и гражданская война // Вторые Уральские военно-исторические чтения: Материалы регион. науч. конф. Екатеринбург, 2000.

Булавин М. В. Политическая позиция Русской православной церкви в период гражданской войны // Первые Уральские военно-исторические чтения: Материалы регион. науч. конф. Екатеринбург, 1997.

Известия Екатеринбургской церкви. 1918.

Князев В. В. Жизнь для всех и смерть за всех. Джорданвилль, 1971

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001.

Нечаев М. Г. Контрреволюционная деятельность церкви в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции на Урале (1917—1919 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1990.

Новые мученики российские / Сост. М. Польский. Ч. 1. М., 1994.

Поспеловский. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.

Русская православная церковь в советское время: Материалы и документы / Сост. Г. Штриккер. Кн. 1. М., 1995

Станкевич А. С. Сопротивление церкви антирелигиозной политике государства на Урале в первые годы советской власти // Судьба России: ист. опыт XX столетия: Тез. III Всерос. конф. Екатеринбург, 1998.

Уральская жизнь. 1918. 3 марта.

Е. А. Игишева

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ НА УРАЛЕ В 1920-е гг.: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Дается историографический анализ современной литературы по истории правоохранительных органов на Урале в 1920-е гг. Рассматриваются вопросы реорганизации этих органов, их карательной деятельности, их роль в формировании советской политической системы. Сделаны выводы о степени изученности проблемы, намечены дальнейшие пути ее изучения.

Изучение деятельности правоохранительных органов Советского государства имеет давнюю историю. Целью большинства работ, изданных в советский период, являлось исследование вклада этих органов в разоблачение и пресечение деятельности антисоветских организаций и преступных элементов. Сами карательные органы оценивались положительно, а их работа рассматривалась в контексте осуществления политики правящей партии и Советского государства.

В годы перестройки историки наметили некоторые контуры новых подходов в изучении темы, но в целом литература этих лет находилась под влиянием советской историографической традиции. И только начиная с 90-х гг. прошлого столетия исследователи стали активно отходить от многих прежних концепций. Стали высказываться более критические замечания по отношению к советской правоохранительной системе, отмечались негативные моменты в деятельности ее органов. Это видно на примере новейших работ уральских историков Ф. Х. Ахмадеева, Н. А. Катаева, Л. П. Рассказова, Д. А. Сафонова, А. Г. Хабибулина, С. В. Щеткина и др. [см., например: Ахмадеев, 1993; Рассказов, 1992; 1994; Сафонов, 2000; Щеткин, 1999; 2000; 2001]. Ученые полагают, что карательные функции в советский период выполняли многие органы, в том числе советские и партийные. Однако в основном они освещают деятельность тех структур, которым было положено карать по закону: ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД, судебные органы и органы, исполняющие наказание, прокуратура, милиция. В отличие от советской историографии, большинство современных исследователей называют эти органы не правоохранительными, а карательными, что, на наш взгляд, не во всех случаях оправданно.

Для данных работ характерен интерес к изучению правового статуса советских карательных органов и их места в системе советского государства. Авторы признают, что переход к новой экономической политике привел к изменениям в характере их деятельности. Л. П. Рассказов пишет: «Изменения, происходившие в стране, объективно уменьшали сферу деятельности карательных органов. Это обстоятельство учитывало руководство РКП(б), внося определенные коррективы в их работу» [Рассказов, 1994, 198]. По его мнению, в системе правовых отношений в связи с переходом к НЭПу проявились две основные тенденции: развитие основ законности и, противоположная ей, ограничение прав человека, устранение политической оппозиции, ужесточение карательной политики [Там же, 112].

Историки В. С. Кобзов, А. В. Кудрявцева, А. А. Пашкин, А. В. Петров, С. Ю. Салмина, А. И. Семенов, Е. П. Сичинский, О. И. Филонова, И. К. Шабанова, С. В. Щеткин и другие на уральском материале исследовали и многие другие сюжеты темы [см.: Кобзов, Семенов, 2000; Кудрявцева, Петров, 2000; Пашкин, 1994; Салмина, 1999; Семенов, Сичинский, Щеткин, 2002; Филонова, 2002; Шабанова, 2006]. В литературе речь идет о создании системы органов правопорядка после окончания Гражданской войны, деятельности милиции, судебных органов, органов прокуратуры на территории края. Исключительно интересной представляется попытка А. Ю. Филонова, Л. А. Фофановой, С. В. Щеткина создать социальный портрет работника правоохранительных органов Урала в 1920-е гг. [см.: Филонов, 1994; Фофанова, 1993; Щеткин, 2000].

Анализируя литературу, можно встретить различные оценки, которые дают современные авторы деятельности советских правоохранительных органов Урала в 1920-е гг. И сегодня, несмотря на радикальные перемены в общественном строе страны, достаточно популярна традиционная точка зрения на деятельность правоохранительных органов. Так, А. М. Воробьев и В. А. Демин считают, что «в 20-е гг.

милиция принимала непосредственное участие в борьбе с голодом, с детской безнадзорностью и беспризорностью, в охране общественного порядка и предприятий» [Воробьев, Демин, 1998, 332].

Но большинство современных исследователей делают упор на изучение репрессивной функции в деятельности уральских правоохранительных органов. По словам И. К. Шабановой, «большевистское руководство, занятое проблемами укрепления своей власти и задачами мировой революции, рассматривало правоохранительные органы прежде всего как орудие диктатуры пролетариата, призванное карательными методами подавлять классовых врагов» [Шабанова, 2006, 105].

В. С. Кобзов, Ф. Г. Куцан, В. В. Московкин, В. П. Петрова, Е. П. Сичинский, Н. С. Шибанов и другие исследователи считают, что особенно ярко эта функция советской милиции проявилась в начале 1920-х гг. в период борьбы с крестьянскими выступлениями против политики «военного коммунизма». Историки привели многочисленные факты произвола, самосудов, пьянства и других негативных фактов поведения сотрудников милиции Челябинской и Тюменской губерний. По словам Н. С. Шибанова, «как в прошедшей гражданской войне, так и в борьбе с восставшим народом массовый террор стал не средством убеждения, а политикой насилия и кровавого террора по отношению к «классовым врагам» — дворянству, духовенству, кулачеству и казачеству — большевики провели беспощадно и последовательно». «Тяжелая репрессивная машина с начала 20-х гг. — пришел к выводу автор, — была запущена сверху и раскручивалась благодаря усилиям высших большевистских правителей» [Шибанов, 1997, 215].

В то же время историки подчеркивают, что в связи с переходом к НЭПу задачи милиции постепенно изменялись. И. Ю. Поляков пишет: «С разгромом крестьянского восстания 1921 г. на территории Сибири начинается период мирного строительства советской государственности... 3 марта 1923 г. в Тобольской губернии было снято военное положение. С этого момента вся охрана общественного покоя и порядка всецело ложится на милицию» [Поляков, 1991, 115—116]. По словам И. К. Шабановой, «волна народного возмущения новым строем заставила власти спохватиться и начать исправлять ситуацию. Большевистское руководство, разворачивая новую экономическую политику, провозгласило курс на укрепление правопорядка, соблюдение законности и поднятие авторитета правоохранительных органов» [Шабанова, 2006, 109].

Л. А. Фофанова считает, что в истории правоохранительных органов Урала особо выделяется середина 1920-х гг. Она утверждает, что «это было время относительно спокойного и менее насильственного хода событий по сравнению, допустим, с самым началом и концом 20-х гг.». По ее мнению, «несмотря на резкие очертания партийно-идеологического характера, милиция в середине 20-х гг. уже перестала быть лишь карательно-революционной и еще не стала по сути своей политико-репрессивной» [Фофанова, 1993, 36].

С. В. Щеткин заостряет внимание на противоречии, которое ярко обнаружилось в 1920-е гг. между целями, которые ставило перед милицией государство, и практической деятельностью правоохранительных органов. Он пишет: «По за-

мысли властей в тот период милиция должна была выступать в определенной степени проводником идей НЭПа. Советское государство, став на путь новой экономической политики, должно было обеспечить правовые и имущественные гарантии для частной инициативы. Милиция же должна была следить, чтобы соблюдались закрепленные в декретах, положениях и инструкциях интересы Советского государства» [Щеткин, 2002, 15].

Особое место современные исследователи отводят такой стороне деятельности карательных органов, как политическое преследование инакомыслящих. Правда, следует отметить, что о деятельности органов политического сыска в 1920-е гг. на уральском материале написано пока еще немного работ [см., например: Сорокина, 1991; Мардамшин, 1999; Денисевич, 1998].

Одну из главных сторон в деятельности специальных органов в эти годы исследователи видят в участии в подавлении крестьянских выступлений на Урале. В. И. Шишкин указывает, что до недавнего времени вопрос об участии ВЧК, ревтрибуналов, военных, карательных и политических сил в подавлении крестьянских выступлений оставался слабым местом в анализе этих событий [Шишкин, 2000, 16].

Р. Р. Мардамшин пишет о роли органов ВЧК в подавлении восстания в Бурзян-Тангауровском кантоне Башкирии: «На наведение порядка были брошены большие силы, в том числе органы чрезвычайных комиссий. На помощь БашЧК были привлечены органы внутренней охраны РСФСР — ВОХР» [Мардамшин, 1999, 64]. Л. П. Рассказов отмечает, что при подавлении восстания «Черный орел» в Башкирии «применялись испытанные методы красного террора: взятие заложников, задержание подозрительных лиц, расстрелы восставших и т. д.» [Рассказов, 1994, 151].

Современные уральские историки проанализировали функции спецорганов, обратили внимание на то, что они коррелировались с изменением целей и задач, которые ставила перед обществом правящая партия. Р. Р. Мардамшин так описывает основные направления деятельности органов ВЧК в конце Гражданской войны. «В первую очередь им полагалось охарактеризовать общее политическое состояние в обслуживаемом регионе, отразив настроения рабочих, крестьян, служащих и духовенства. Далее следовал отчет по следующей схеме: забастовки, контрреволюционные явления — заговоры — восстания — спекуляция — недостатки советской работы — работа чрезвычайных комиссий — общие явления. С весны 1921 г. появляется еще одна строка в отчете — “отношение к партии коммунистов со стороны населения”» [Мардамшин, 1999, 112].

В. М. Кружинов считает, что «к концу 1921 г. относятся первые, правда еще единичные, факты организованной слежки за оппозиционно настроенными коммунистами со стороны ОГПУ. Собранные при этом сведения обобщались, а затем направлялись в партийные органы для принятия соответствующих мер. На их основании был, например, исключен из РКП (б), а затем и арестован активный участник “рабочей оппозиции” на Урале Г. И. Мясников» [Кружинов, 2000, 163].

М. Н. Денисевич, С. Н. Кузнецов и А. С. Смыкалин отмечают, что переход к НЭПу обусловил реорганизацию спецорганов, была сужена их компетенция, а ос-

новая функция сводилась к обеспечению политической безопасности государства [Денисевич, 1998, 372]. Такой же позиции придерживается и Р. Р. Мардамшин. ГПУ, подчеркивает он, было освобождено «от несвойственных для спецслужб функций — борьбы со спекуляцией, преступлениями по должности и прочими уголовными преступлениями [Мардамшин, 1999, 125].

Р. Р. Мардамшин — один из немногих, кто попытался объяснить причину реорганизации органов ВЧК. Их бурная деятельность по подавлению крестьянских выступлений привела к тому, считает историк, что «чекистские органы в перспективе вполне могли выйти из-под контроля советских и даже партийных органов, более того, встать над ними. Произошедшая в начале 1922 г. реорганизация ВЧК в какой-то мере имела целью остановить эту тенденцию» [Там же, 110]. Историк полагает, что после проведенной в начале 1920-х гг. реорганизации «органы безопасности Башкирской автономной республики уже перестали быть неуправляемыми для местного обкома партии. Свои действия они согласовывали с партийным руководством, предложения и указания которого принимались неукоснительно к исполнению» [Там же, 126].

М. Н. Денисевич, С. Н. Кузнецов и А. С. Смыкалин отмечают, что вскоре, а особенно во второй половине 1920-х гг., функции ГПУ вновь «расширились и были направлены на подавление контрреволюционных выступлений и бандитизма; борьбу со шпионажем, охрану путей сообщения, борьбу с контрабандой, кулацким сопротивлением и повстанческим движением». Авторы во многом связывают это с решениями XV съезда ВКП(б) о развертывании коллективизации. «На ОГПУ, — пишут они, — была возложена задача подавления крестьянских выступлений, направленных против ликвидации крестьянских хозяйств, закрытия церквей. ОГПУ объединял также всю оперативную работу по борьбе с национальными движениями, контрреволюционной деятельностью в Красной Армии» [Денисевич, 1998, 372].

По мнению О. Н. Сорокиной, для выполнения функции охраны политической безопасности страны органы ОГПУ в 1920-е гг. широко применяли систему осведомительства. Она полагает, что осведомительство «сыграло неоценимую услугу в формировании тоталитарного режима». Автор считает, что «довольно часто люди, доносившие на инакомыслящих, имеющих расхождение мнений с официальной точкой зрения, свято верили, что выполняют свой “классовый долг”, что они борются с врагами “советского строя”» [Сорокина, 1991, 104].

В современной литературе дается характеристика особенностей развития советской судебной системы и прокуратуры на Урале в годы НЭПа. Авторы отмечают, что переход к НЭПу совпал с кардинальной реорганизацией органов суда и прокуратуры в связи с проведением судебной реформы 1922 г., которая установила на территории страны единую систему судебных учреждений. Исследователи в основном положительно оценивают ее результаты. Р. Р. Мардамшин указывает, что судебные функции, периодически выполнявшиеся до февраля 1922 г. органами ВЧК, были переданы в ведение специально предназначенных для этого судебных органов. Право внесудебной расправы с контрреволюционерами и другими

опасными преступниками, которое ранее имели органы ЧК, было отменено [см.: Мардамшин, 1999, 125].

О. И. Филонова указывает, что на Урале в годы НЭПа действовали общие судебные учреждения, появившиеся в результате судебной реформы 1922 г., а также специальные суды: Особая сессия, Революционный трибунал, особые трудовые сессии, дежурные камеры народных судов, примирительные камеры, арбитражные комиссии, дисциплинарный суд [см.: Филонова, 2002, 77]. Местные исследователи отметили, что большинство из многочисленных реорганизаций, проходивших в краевой судебной системе в годы НЭПа, были связаны с проводимым в 1920-е гг. районированием Урала.

Историки обратили внимание на те особенности функционирования уральских правоохранительных органов в 1920-е гг., которые мешали им выполнять свои функции в полном объеме. С. Ю. Салмина к недостаткам в работе уральской милиции в 1920-е гг. относит недостаточную разработанность правовой базы функционирования местных подразделений милиции [см.: Салмина, 2000, 126].

Исследователи указывают на такие трудности, как плохие материальные условия, отсутствие профессиональных навыков у сотрудников милиции. И. Ю. Поляков отмечает, что при переходе к НЭПу милиция испытала острое положение с кадрами, для которых были характерны «неграмотность, отсутствие политической подготовки» и др. [Поляков, 1991, 115—116]. И. К. Шабанова полагает, что кадровая проблема в советских правоохранительных органах была следствием проводимой большевиками политики в этом направлении. Она пишет: «Согласно большевистской кадровой политике, в судебных органах могли работать “свои люди” принадлежавшие к рабоче-крестьянскому классу и “преданные делу революции”» [Шабанова, 2006, 105].

Главную проблему в деятельности правоохранительной системы в годы НЭПа современные исследователи видят в том, что суд и прокуратура были подчинены партийным и государственным органам. О. И. Филонова указывает, что «народные судьи являлись частью государственного аппарата, были подконтрольны исполнительной власти и осуществляли свою деятельность в полном соответствии с государственной политикой» [Филонова, 2002, 78]. Р. Г. Медянский пишет о работниках прокуратуры: «Требования партийной дисциплины явно входили в противоречие со служебно-профессиональной деятельностью». По его словам, «новорожденная прокуратура сразу же попала под жесткий контроль обкома партии. Подходя к периоду репрессий, партийное руководство сделало прокуратуру подручным органом в прямом смысле этого слова» [Медянский, 1991, 105, 107].

Анализ современной литературы по теме показывает, что в постсоветских условиях гласности историки стали более объективно подходить к описанию исторического процесса, начали критически переосмысливать прежние представления о существовавших в годы советской власти государственных и общественных институтах.

За последние годы уральские исследователи заметно продвинулись в изучении истории местных правоохранительных органов, их деятельности в 1920-е гг.

Следует подчеркнуть, что в современной литературе прослеживается главным образом та сторона этой деятельности, которая по известным причинам была вне поля зрения советских ученых, — подавление крестьянских выступлений, преследование инакомыслящих, ограничение прав человека.

Исследование данного направления в совокупности с историографическими источниками советского периода, в которых раскрывается деятельность милиции, ВЧК/ГПУ, прокуратуры, суда по борьбе с уголовщиной, голодом, детской беспризорностью, дает более правдивое понимание правоохранительных органов на Урале, их роли в формировании советской политической системы.

Следует также указать, что в настоящее время, наряду с позитивными процессами в изучении темы, в ряде работ наблюдается и определенная политическая заданность, крайние оценки ситуации 1920-х гг. Так, Д. Л. Савельев считает, что, «придя к власти, большевистская партия создала систему тотального контроля за духовной жизнью своих граждан. В целях ликвидации любого инакомыслия был сформирован специальный аппарат, пронизывающий все уровни и сферы государства. Остракизму подвергались все, кто хоть в чем-то выступал против сложившейся системы власти. Неудобные подвергались жесткому идеологическому давлению, нередко сопровождаемому полицейскими методами» [Савельев, 2000, 81].

Во-первых, такой общепологающий вывод сделан только на материалах, характеризующих цензуру в сфере культуры. Во-вторых, автор явно преувеличивает степень всеобъемлющего преследования населения страны в 1920-е гг. В это время тоталитарная система в том виде, в котором она была, к примеру, в 1930—1940-е гг., еще не существовала (особенно в первой половине 1920-х гг.). В качестве доказательства можно сослаться на деятельность в рассматриваемое время различных оппозиционных групп (пусть и подвергавшихся «жесткому идеологическому давлению»), разноплановых политических дискуссий по принципиальным вопросам советского пути развития и внутрипартийной жизни, значительного количества публикаций, в которых оппозиция излагала свои взгляды. Да и многие историографические источники, использованные для написания данной статьи, противоречат излишне категоричным утверждениям некоторых авторов, что необходимо учитывать при дальнейшем исследовании темы.

Ахмадеев Ф. Х. Становление и развитие органов советской милиции и исправительно-трудовых учреждений / Ф. Х. Ахмадеев, Н. А. Катаев, А. Г. Хабибуллин. Уфа, 1993.

Воробьев А. М., Демин В. А. Милиция // Урал. ист. энцикл. Екатеринбург, 1998.

Денисевич М. Н. Органы государственной безопасности / М. Н. Денисевич, С. Н. Кузнецов, А. С. Смыкалин // Урал. ист. энцикл. Екатеринбург, 1998;

Кобзов В. С., Семенов А. И. Правоохранительные органы Урала в борьбе с «политическим бандитизмом» // История правоохранительных органов России. Челябинск, 2000.

Кружинов В. М. В преддверии «коммунистического звездопада»: репрессии против участников внутрипартийных группировок на Урале в начале 1920-х гг. // Ист. наука на пороге третьего тысячелетия. Тюмень, 2000.

Кудрявцева А. В., Петров А. В. Создание системы органов правопорядка на Южном Урале после гражданской войны // Актуальные проблемы совершенствования правоприменительной деятельности органов внутренних дел. Челябинск, 2000.

Мардамышин Р. Р. Башкирская чрезвычайная комиссия: страницы истории. Уфа, 1999.

Медянский Р. Г. Прокуратура Вотской автономной области в 1922—1928 гг. // Национально-государственное строительство в Удмуртии в 1917—1937 гг. Ижевск, 1991.

Пашкин А. А. К вопросу о роли и месте правоохранительных органов в тоталитарном государстве // Тоталитаризм и личность. Пермь, 1994;

Поляков И. Ю. К вопросу о взаимодействии органов милиции с местными Советами Тобольской губернии в 1921—1923 гг. // История Советской России: новые идеи, суждения. Ч. 1. Тюмень, 1991.

Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917—1941). Уфа, 1994.

Рассказов Л. П. Роль карательно-репрессивных органов в становлении административно-командной системы в первые годы советской власти. Уфа, 1992.

Савельев Д. Л. Местные органы Главлита — основа политической цензуры в сфере культуры (1920-е гг.) // Тюмен. ист. сб. Вып. 4. Тюмень, 2000.

Салмина С. Ю. Становление милиции Челябинской губернии (1917—1923). Челябинск, 1999

Салмина С. Ю. Становление системы профессиональной подготовки кадров милиции Челябинской губернии // История правоохранительных органов России. Челябинск, 2000.

Сафонов Д. А. Правоохранительные органы России в XX в.: традиции, преемственность, поиски новых форм // Правоохранительные органы Южного Урала: история и современность. Оренбург, 2000.

Семенов А. И. Милиция (1917—2000) / А. И. Семенов, Е. П. Сичинский, С. В. Щеткин // Челябинск: Энцикл. Челябинск, 2002.

Сорокина О. Н. Некоторые психологические аспекты формирования осведомительства в системе ВЧК — ОГПУ 1918 — 1928 гг. (на материалах Урала) // История Советской России: новые идеи, суждения. Ч. 1. Тюмень, 1991.

Филонов А. Ю. Социальный портрет командного состава милиции на Урале в 20-е гг.: (К вопросу о формировании источниковой базы) // Проблемы образования одаренных учащихся. Екатеринбург, 1994.

Филонова О. И. Деятельность советских судебных органов на территории Южного Зауралья в 20-х гг. XX в. // 50-летие историко-правоведческого факультета Курганского государственного университета. Курган, 2002.

Фофанова Л. А. Социальный портрет сотрудника НКВД середины 20-х гг. (по материалам Урала) // Урал в XX в.: Региональный банк данных. Екатеринбург, 1993.

Шабанова И. К. Правовой произвол начала 1920-х гг. в Тюменской губернии // Сибир. ист. журн. 2006/07. Тюмень, 2006.

Шибанов Н. С. Зеленая война: Исторические очерки. Челябинск, 1997.

Шишкин В. И. [Введение] // За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии 1921 г.: Сб. документов. Новосибирск, 2000.

Щеткин С. В. Сотрудник милиции в годы НЭПа: идеал, норма и девиантность: По материалам Южного Урала // Деонтология правоприменительной деятельности: история становления и современные проблемы. Челябинск, 2000.

Щеткин С. В. Борьба милиции с криминальными формами насилия в 1920-е гг. // Насилие: криминальные формы проявления, совершенствование мер борьбы. Ч. 2. Челябинск, 1999.

Щеткин С. В. Милиция на Южном Урале в 1921—1928 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002.

Щеткин С. В. Опыт работы школ милиции в годы НЭПа // Полиция и милиция России: формирование и развитие. Челябинск, 2000.

Щеткин С. В. Проблема соблюдения законности угрозиском России в первые годы НЭПа // История, культурология, право: проблемы развития российского общества. Челябинск, 2001.

Н. С. Махциева

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВЫХ ПРОФСОЮЗОВ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Рассматривается история зарождения профессиональных союзов. Автор, опираясь на архивные материалы и литературные источники, отразил обстановку, в которой произошло образование первых местных профессиональных союзов. Истоки профсоюзного движения в Республике Северная Осетия — Алания тесно связаны с зарождением и развитием рабочего класса.

Возникновение профсоюзов в России началось с развитием капитализма. Объективные предпосылки для возникновения профессиональных союзов как в целом в России, так и в Северной Осетии создавались в процессе экономических и социально-политических преобразований, которые происходили после отмены крепостного права, в ходе осуществления либеральных реформ второй половины XIX в. В пореформенную эпоху в России быстрыми темпами развивался промышленный сектор экономики, создавался комплекс вспомогательных отраслей хозяйства: строились железные и шоссейные дороги, каналы, значительное внимание уделялось развитию средств связи. Одновременно с этим шел процесс формирования различных отрядов рабочего класса. К началу XX в. в России насчитывалось до 10 млн наемных рабочих, в том числе около 3 млн фабрично-заводских, горно-заводских и железнодорожных.

Своеобразие развития профсоюзного движения в России по сравнению с Западом заключается в том, что в нашей стране профсоюзы появились после создания партии рабочего класса и под ее руководством прошли огромный путь от маленьких локальных цеховых организаций до самого мощного многомиллионного профсоюзного движения нашей эпохи. Профсоюзы на Западе возникли задолго до появления партии рабочих в результате стихийных попыток пролетариата улучшить свое положение. Профсоюзы в России создавались не только для осуществления экономических требований рабочих, но и для организованной классовой борьбы против царизма.

Концентрация больших масс рабочих на крупных заводах и фабриках содействовала развитию их сознательности, организованности и революционной активности и являлась важной предпосылкой их объединения в профессиональные союзы. Объективная необходимость возникновения профсоюзов в России, как и